

(Otloh de Saint-Emmeram, 1010—1070) обнаруживает такое же недоверие ко всему, что не есть чистая теология и традиция. Впрочем, он говорит и о реальном опыте: до нас дошло его любопытное автобиографическое повествование под названием «Книга о собственных искушениях и Писании» («Liber de tentationibus suis et scriptis»), в котором он рассказывает о долго мучивших его сомнениях относительно истинности Священного Писания и даже существования Бога. Освобожденный от этих духовных страданий милостью Божьей, Отло более не признает никакого учителя, кроме Христа. Платон, Аристотель, Цицерон не сумели бы его наставить, и даже Боэций ему подозрителен, потому что он набрался бесстыдства написать: «et familiaris meus Lucanus»*. Отло готов допустить, что философия может быть интересна мирянину, но она не представляет никакого интереса для монаха. «Я назову учеными скорее тех, — добавляет он, — кто наставлен в Священном Писании, нежели тех, кто обучен диалектике. Ибо я встречал диалектиков, которые были столь наивны, что заявляли, будто все слова Священного Писания должны быть проверены диалектикой, и часто обнаруживали больше доверия к Боэцию, чем к священным авторам». Мнения такого рода разделяет Манегольд Лаутенбах-ский (Manegold de Lautenbach), подчеркивающий расхождение философских учений с содержанием Откровения. В его «Малом трактате против Вольфельма Кёльнского» («Opusculum contra Wolfelmum Colo-niensem»)** , который представляет собой изложение разговора, состоявшегося примерно в 1080 г. в садах Лаутенбаха, Вольфельм утверждает, что комментарий Макробия к «Сну Сципиона» по многим пунктам согласен с христианством. Более сдержанный, чем Отло, Манегольд все же на-

стаивает на невозможности подчинить веру правилам диалектики, тщетность которой доказывает, кстати, один классический пример. В трактате «Об ораторском искусстве» (I, 29, 44) Цицерон в качестве примера непроверяемого высказывания приводит такое: «Если [женщина] беременна, значит, она имела близость с мужчиной». Как же в таком случае поверить, что Христос родился от Девы Марии? Человека определяют как смертное живое существо (animal mortale); но Христос воскрес. Манегольд заключает, что следует остерегаться мирской науки, если она отвращает нас от глубин Священного Писания***. Но, пожалуй, самым типичным защитником теологии от злоупотреблений языческих наук был Петр Дамиани, 1007—1072).

Св. Петр Дамиани — прекрасная иллюстрация того contemptus saeculi****, которое является важной стороной жизни средних веков, хотя и не на всем их протяжении. Нельзя рекомендовать ничего лучшего, чем его произведения, тем, кто ищет цитаты, чтобы доказать, что в повседневной жизни средних веков господствовала ненависть к природе и к человеческому телу: куча гнили, прах и пепел, sanies, virus, fetor et obscenae corruptionis illuvies***** — то, чем тело станет впоследствии, проявляется уже в том, что оно собой представляет при жизни человека. Эти инвективы заимствованы из трактата «Похвала бичам» («De laude flagellorum»), ободрявшего иных монахов, в которых дьявол вселил сомнения насчет уместности публичного самобичевания. Относительно языческой науки мысль св. Петра Дамиани проста. Единственная важная вещь — это достигнуть спасения; самый надежный способ для этого — стать монахом; итак, вопрос сводится к тому, чтобы узнать, нуждается ли монах в философии. Никоим образом. Все, что человек должен знать, чтобы спастись, содержится в Писании — монах обязан это знать и этого держаться. Полезно послушать, каким тоном наш учитель-монах говорит об этих предметах: «Платон исследует секре-